

In memoriam.

Блокъ — Гумилевъ.

Я хорошо помню Блока, я слышу его голосъ, его образъ стоитъ передо мной и вновь подымаетъ во мнѣ мысли, которыя возбуждались когда-то и встрѣчами съ этимъ чело-вѣкомъ и чтеніемъ его произведеній.

И въ то же время мы очень рѣдко встрѣчались и почти никогда не обмѣнивались мыслями. Я знаю изъ словъ и намековъ общихъ знакомыхъ, изъ формы писемъ, что я какъ-то и чѣмъ-то былъ милъ Блоку, что я для него не былъ просто „общественный дѣятель“, „профессоръ“ и „редакторъ“ такой-то. И я чувствовалъ въ свою очередь, что Блокъ милъ мнѣ, милъ лично, и какъ чело-вѣкъ, и какъ поэтъ (хотя съ его общественно-философскими взглядами я вовсе не былъ согласенъ, и не всѣ его произведенія мнѣ нравились). Но мы этого другъ другу такъ никогда и не сказали. Что то въ этомъ родѣ мелькнуло, помнится, въ томъ письмѣ его ко мнѣ, далекомъ по формѣ отъ всякой интимности и нѣжности, съ которымъ онъ посылалъ въ „Русскую Мысль“ „Возмездіе“, и въ моемъ отвѣтѣ ему.

И вотъ онъ умеръ.

Блокъ былъ мечтатель въ общемъ и глубокомъ смыслѣ особаго чело-вѣческаго типа.

Но мечтатель *страстный* и не только страстный, но всегда куда то гонимый страстью. И въ то же время мечтатель *бездѣйственный*. Есть вѣдь и мечтатели дѣйственные; вѣчно стремящіеся что то выразить вовнѣ, мечтатели-воины, мечтатели-охотники, даже мечтатели-преступники. Не таковъ былъ Блокъ, бездѣйственно-страстный мечтатель. Нельзя считать дѣйствиемъ, въ томъ психологическомъ смыслѣ, о которомъ я говорю, его псезію и вообще его литературное творчество. Ибо для него — и это существенная черта Блока!

— поэзія была гораздо болѣе внутреннимъ актомъ, чѣмъ внѣшнимъ дѣйствіемъ. Онъ пѣлъ, и потому онъ такъ *напыщенъ*, но онъ пѣлъ для себя, ни о комъ вовнѣ не думая, и потому такъ трудно „произносить“ Блока въ его собственномъ духѣ. Въ страстной мечтательности Блока было что то германское (по отцу онъ былъ шведскаго происхожденія), угловатое и непрактичное, та самая стихія, которую въ нѣмецкой индивидуальной культурѣ выразилъ такъ болѣзненно-ярко Гейнрихъ ф. Клейстъ. По характеру же литературнаго дарованія они совсѣмъ непохожи; у Блока, какъ у *творца*, гораздо больше внутренней близости съ пѣвцомъ „голубого цвѣтка“ Новалисомъ.

Я никогда лично не зналъ отца Блока, но читалъ почти все, что написалъ этотъ малоизвѣстный, не удавшійся профессоръ-государственникъ. Онъ былъ тоже мечтатель, искавшій въ государственной наукѣ исхода своимъ политическимъ страстямъ, и такъ же бездѣйственно-страстный, какъ и сынъ. Блокъ-отецъ былъ славянофилъ въ государственномъ правѣ, вѣрившій въ Россію и не вѣрившій въ Западъ. Онъ былъ беспорядочнымъ и тяжелымъ въ общежитіи человѣкомъ и алохимъ семьяниномъ. На его произведеніяхъ, забытыхъ и не оказавшихъ почти никакого вліянія на русскую науку, но любопытныхъ и индивидуальныхъ, лежитъ печать тѣхъ же чертъ, которыми отмѣчена личность Блока: мечтательности и страстности, неспособной къ дѣйствіямъ. И даже А. А. Блокъ взялъ кое что отъ отца изъ его идейнаго содержанія: туманное и тяжеловѣсное, не просвѣтленное, а, наоборотъ, *мрачное народничество*. То народничество, которое какъ то входитъ въ составъ и большевизма, какъ исторической стихіи.

Мать Блока вышла изъ богато одаренной семьи (она была дочерью ботаника Андрея Николаевича Бекетова). Одна изъ ея сестеръ, по мужу Краснова, была талантливой поэтессой, другая сестра тоже писала. Я ихъ зналъ. Это были хрупкія, нѣжныя существа. Съ этой стороны Блоку передалась та женственность и нѣжность, которая составляетъ неизъяснимую прелесть нѣкоторыхъ его произведеній и которая такъ очаровывала въ его личности, именно въ удивительномъ сочетаніи съ мужественной страстностью. Если бы Блоку было

суждено долше прожить, если бы ему удалось дожить до воскресенія Россіи, обѣ стихіи его творчества, женственная и мужественная, можетъ быть, слились бы въ единую мощную струю. Такъ онъ ушелъ отъ насъ, не сказавъ своего окончательнаго слова, безмолвно унося въ тотъ міръ какую-то свою послѣднюю думу. О, я не сомнѣваюсь въ томъ, она была о Россіи, которую онъ любилъ со всею нѣжностью и со всей силой своей женственно-мужественной души!

Но всетаки „Двѣнадцать“ — величайшее достиженіе Блока. Въ немъ онъ мощно преодолѣлъ романтизмъ и лиризмъ, въ совершенно новой, *своей* формѣ сравнялся съ Бальзакомъ и Достоевскимъ. Съ Бальзакомъ — въ объективномъ, достигающемъ грандіозности, изображеніи мерзости и порока; съ Достоевскимъ кромѣ того — въ духовномъ, пророческомъ видѣніи, что въ здѣшнемъ мірѣ порокъ и мерзость смежны со святостью и чистотой въ томъ смыслѣ, что не внѣшняя человѣческая стѣна, а только какая то чудесная, незримая, внутренняя черта ихъ раздѣляетъ въ живой человѣческой душѣ, за которую, въ *земномъ*, неизбывно борются Богъ и Дьяволъ, Мадонна и Содомъ*).

Съ Гумилевымъ я тоже рѣдко встрѣчался. Передо мною, какъ редакторомъ большого журнала, конечно, прошли почти всѣ болѣе или менѣе крупныя русскія поэты новѣйшаго времени. Но я былъ страшно занятъ, и личное общеніе съ сотрудниками было для меня, къ великой моей скорби, почти недоступной роскошью. Однажды, я помню, Л. Я. Гуревичъ собрала многихъ изъ молодыхъ поэтовъ въ редакціи „Русской Мысли“. Въ числѣ ихъ были Гумилевъ и Ахматова, тогда его жена. Не только въ личной жизни, но и въ исторіи русской поэзіи эти два имени останутся связанными. И прежде и потомъ я еще нѣсколько разъ видѣлся съ Гумилевымъ.

Онъ былъ тоже мечтателемъ, но другого, чѣмъ Блокъ, — *дѣйственаго* типа. Онъ былъ воинъ по натурѣ и при-

*) Въ „Двѣнадцати“ есть неясности, на которыя я указалъ въ первой книжкѣ „Русской Мысли“ зарубежнаго изданія но они не устраняютъ художественно-объективной значительности этого произведенія

званію, жившій всѣмъ своимъ существомъ на войнѣ и на охотѣ. До великой войны онъ ѣздилъ въ Африку — охотиться. Въ войнѣ онъ принималъ участіе, какъ боевой кавалерійскій офицеръ.

Онъ жадно воспринималъ внѣшнія впечатлѣнія, яркія экзотическія краски, внѣшне-драматическія положенія борьбы человѣка съ звѣремъ и состязанія человѣка съ человѣкомъ. Въ изображеніи моряковъ, водителей кораблей, искателей приключеній за морями, онъ достигаетъ классической силы и простоты. Эти его стихи войдутъ во всѣ хрестоматіи русской поэзіи. Вообще Гумилевъ былъ, какъ мнѣ кажется, по преимуществу эпическій поэтъ, способный мастерски *изображать* то, что онъ любилъ, что было мило и родственно его существованію воина и охотника.

Съ душою воина онъ соединялъ крѣпкія политическія убѣжденія и пламенную любовь къ родинѣ-матери. Какъ человѣческой и культурный типъ, поэтъ Гумилевъ входитъ въ длинную и славную галерею русскихъ поэтовъ-воиновъ, и онъ займетъ въ ней по поэтической значительности далеко не послѣднее мѣсто. Его трагическая гибель, въ одномъ смыслѣ случайная, какъ все, что происходитъ въ бессмысленномъ мірѣ низости и глупости, въ другомъ смыслѣ роковая, неотмѣнимой кровавой связью соединить для исторіи-литературы съ его поэтической дѣятельностью — *память о самыхъ ужасныхъ дняхъ паденія и мукъ Россіи*. То, что его казнили *палачи Россіи*, не случайно. Это полно для насъ глубокаго и пророческаго смысла, который мы должны любовно и мужественно вернуть въ наши души и въ нихъ лелѣять.

Сентябрь 1921 г.

Петръ Струве.